КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 3 р. 60 к. съ пересылкою. | Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1894 года. № 20. 16 Октября.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Поучительное чтеніе

въ недѣлю 20-ю по Пятидесятницѣ, 23 октября, въ день памяти св. апостола Іакова, брата Господня.

(Изъ житія св. Іакова, брата Господня).

Разскажу нынѣ вамъ, бр. мои, о святомъ апостолѣ Іаковѣ, братѣ Господнемъ, о которомъ творится память въ нынѣшній день, 23 октября. Братомъ Господнимъ Іаковъ называется потому, что онъ былъ однимъ изъ сыновей Іосифа древодѣля, впослѣдствіи обручника Божіей Матери. Преданіе говоритъ, что Іаковъ былъ привязанъ особенною любовію къ рожденному отъ пречистой Дѣвы Младенцу Іисусу: онъ сопутствовалъ святому семейству, когда Іосифъ и Марія бѣгствомъ въ Египетъ спасали своего Божественнаго Сына отъ руки Ирода; онъ не разлученъ былъ съ Божественнымъ Отрокомъ Іисусомъ, во время скромной Его жизни въ Наза-

ретѣ; онъ готовъ былъ дѣлиться съ Нимъ всѣмъ, что у него было. Когда сыновья Іосифа Обручника, послѣ его смерти, при раздѣлѣ отцовской земли, думали было лишить части ея усыновленнаго Іосифомъ Отрока Іисуса, Іаковъ добровольно сдѣлалъ Его соучастникомъ своей части. По такой сердечной, истинно-братской привязанности къ Іисусу Христу, онъ и удостоенъ высокаго званія брата Господня. Нечего и говорить, что онъ былъ любимымъ ученикомъ Христовымъ, хотя и не былъ Его всегдашнимъ спутникомъ, подобно другимъ двѣнадцати апостоламъ; онъ былъ изъ числа 70 апостоловъ Христовыхъ. Христосъ Спаситель выразилъ ему Свою особенную любовь, явившись, по Своемъ воскресеніи, ему отдѣльно отъ другихъ апостоловъ. По вознесеніи Господа на небо, Іаковъ, братъ Господень, пользовался особеннымъ уваженіемъ среди апостоловъ Христовыхъ: они избрали его предстоятелемъ, или епископомъ церкви Іерусалимской; на соборѣ апостольскомъ въ Іерусалимѣ Іаковъ былъ первенствующимъ между апостолами, въ числѣ коихъ были, и первоверховные апостолы Петръ и Павелъ и возлюбленнѣйшій ученикъ Христовъ Іоаннъ Богословъ. Іакова, брата Господня, уважали даже и враги Христовы, книжники и фарисеи,—уважали за его строгую, подвижническую жизнь, за его продолжительныя, сопровождавшіяся постоянными колѣнопреклоненіямимо, литвы,—за его сердечныя, благочестивыя бесѣды съ народомъ и пр. Уважая Іакова, первосвященники іудейскіе не возбраняли ему входа и во святая святыхъ храма. Всѣ называли его праведнымъ, защитою народа, и съ благовѣніемъ слушали его слова. Предполагая въ Іаковѣ праведномъ строгаго ревнителя отеческой вѣры и преданій старцевъ, члены синедріона (собора) іудейскаго

вздумали было, однажды, воспользоваться необыкновенною силою его слова для того, чтобы отвратить народъ отъ мнимаго заблужденія о Христѣ, его сродникѣ, вѣра въ Котораго въ эту пору быстро распространялась не только въ Іерусалимѣ, но и въ отдаленныхъ его окрестностяхъ. Однажды, во время праздника Пасхи, когда въ Іерусалимѣ собрались, по обычаю, на богомолье сотни тысячъ народа изъ разныхъ странъ, они упросили праведнаго взойти на крышу церковной кровли и съ высоты храма сказать народу слово правды объ Іисусѣ Христѣ, чтобы народъ, какъ они говорили, больше не заблуждался о Сынѣ Маріи. Они никакъ не предполагали, чтобы праведный старецъ, часто молившійся въ ихъ храмѣ, боготворилъ своего сродника, распятаго Іисуса. Когда Іаковъ былъ возведенъ торжественно на кровлю церковную, старѣйшины іудейскіе закричали ему со всѣхъ сторонъ: «мужъ праведнѣйшій, котораго мы всѣ должны слушать! вотъ, между народомъ есть люди, которые заблуждаются объ Іисусѣ распятомъ; скажи правду откровенно предъ всѣмъ народомъ, какъ ты думаешь о Немъ?» Праведный старецъ, склонивши смиренно голову, произнесъ громко: «что вы меня спрашиваете о Сынѣ Человѣческомъ, Который добровольно пострадалъ, былъ распятъ, погребенъ и въ третій день воскресъ изъ гроба? Теперь Онъ возсѣдаетъ на небесахъ, превыше силъ небесныхъ, и опять пріидетъ на облакахъ небесныхъ—судить живыхъ и мертвыхъ»... «Слава Богу! Осанна сыну Давидову!» завопили толпы народа, вѣровавшаго во Христа. За то какой шумъ и крикъ подняли при этихъ словахъ праведнаго враги Христа—фарисеи и книжники. «Праведникъ заблуждается, праведникъ заблуждается!» неистово кричали они. Нѣкоторые изъ нихъ взбѣ-

жали поспѣшно на кровлю храма и столкнули оттуда святаго старца внизъ. Сильно, до полусмерти разшибся Іаковъ отъ паденія съ десятисаженной высоты. Чрезъ нѣсколько времени, кое какъ пришедши въ себя, онъ поднялся на колѣни, поднялъ руки къ небу и молился за своихъ убійцъ:» Господи! прости имъ ихъ грѣхи; ибо они не знаютъ, что дѣлаютъ!» А тѣ, за коихъ онъ такъ молился, скрежетали на него зубами, хватали камни и стали въ него бросать. Тутъ нашелся одинъ изъ богобоязненныхъ іудеевъ, который вступился за праведнаго и останавливалъ убійцъ. «Что вы дѣлаете? говорилъ онъ; праведный за васъ молится, а вы его камнями побиваете!» Но, при этихъ словахъ, какой то разсвирѣпѣвшій суконщикъ бросился на святаго съ тяжелымъ навоемъ (толстымъ обрубкомъ дерева) и со всего размаха размозжилъ ему голову. Такъ пострадалъ праведный мужъ за святую правду, за Вѣру Христову!

Обратите вниманіе, бр. мои, въ особенности на то, какъ умиралъ Іаковъ, братъ Господень. Его убивали, а онъ молилъ Господа за своихъ убійцъ... Таковы достойнѣйшіе ученики Христа, Который нѣкогда изрекъ: *Любите враги ваша, благословите кленущыя вы, добро творите ненавидящымъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть, и изгонящыя вы* [1],—Который и Самъ молился со креста за Своихъ враговъ: *Отче! отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ!* Аминь.

---

[1]) Матѳ. V, 44.

Краткое поученіе къ новобрачнымъ послѣ совершенія брака.

(О томъ, чтобы мужъ не злоупотреблялъ своимъ главенствомъ надъ женою).

Новобрачные супруги! Надъ вами теперь совершилось великое таинство—таинство брака. Поздравляю васъ съ принятіемъ благодати этого таинства. Сердечно желаю, чтобы благодать сія всегда почивала на васъ,—чтобы благословеніе Божіе и милость Господня никогда не оставляли васъ, во все время жизни вашей. Съ благодатію Божіею, съ благословеніемъ и милостію Господними, вы всегда, при всѣхъ даже превратностяхъ жизни, будете истинно-счастливы. Но чтобы благодать и милость Господня никогда не покидали васъ, вамъ, новобрачные, послѣ обязанностей вашихъ относительно Господа Бога и Его св. Церкви, первѣе всего и болѣе всего нужно заботиться объ исполненіи вашихъ супружескихъ обязанностей.

Изъ молитвъ, изъ апостольскаго чтенія, которое мы слышимъ при совершеніи брака, а равно и изъ всѣхъ обрядовыхъ дѣйствій при совершеніи брака, можно бы, кажется, составить правильное понятіе о супружескихъ обязанностяхъ брачущихся. Но, къ сожалѣнію, иные супруги, какъ я знаю, имѣютъ понятія о своихъ супружескихъ обязанностяхъ не надлежащія, ложныя и, сообразно съ такими неправильными понятіями, неправильно и поступаютъ въ своей супружеской жизни. Особенно виновными въ этомъ отношеніи оказываются мужья, не правильно понимая и толкуя свое «главенство» надъ женою.

Мужъ есть глава жены; слѣдовательно, разсуждаютъ иные мужья, мы можемъ дѣлать съ женами своими все, что намъ угодно,—можемъ заставить ихъ исполнять всѣ наши, хотя бы то и пустыя, капризы и приказанія,—можемъ бранить ихъ скверными словами—даже бить ихъ,—выгонять на морозъ, морить голодомъ и т. п. Справедливо, что мужъ есть глава жены, но совершенно несправедливо то, что на этомъ основаніи мужья могутъ дѣлать съ женами своими все, что имъ вздумается. Поймите хорошенько,

почему мужъ называется главою жены и къ чему обязываетъ его это главенство? Господь въ таинствѣ брака соединяетъ мужа и жену *въ одну плоть—въ одно тѣло*, а у одного тѣла должна быть *и одна голова:* и вотъ *мужа*, какъ по природѣ болѣе разумнаго, сильнаго и крѣпкаго, Богъ и ставитъ *главою этого тѣла.* Ставши, такимъ образомъ, главою жены, мужъ и долженъ обращаться съ нею, какъ съ своимъ тѣломъ—своею плотію. Ты свое тѣло не моришь голодомъ, не морозишь морозомъ, *но питаешь и грѣешь его;* не долженъ же ты морить голодомъ, морозить холодомъ и свою жену, потому что она твоя собственная плоть, а ты глава ея... Ты свое тѣло—свои руки, напр., ноги не бьешь, не истязуешь,—мало того, ты всегда и всячески защищаешь свою плоть—примѣрно—отъ вредныхъ насѣкомыхъ, отъ хищныхъ звѣрей, отъ людей *буйныхъ и звѣронравныхъ*, отъ вражескихъ на нее нападеній; всегда же и всячески ты долженъ хранить и беречь—защищать отъ всевозможныхъ непріятностей и жену свою, потому что она твое тѣло, а ты—его голова. А какой же ты будешь голова, коль скоро самъ будешь бить, истязать, мучить свою жену? Ты не головой тогда будешь жены, а лицомъ для нея совершенно чуждымъ,—мало того,—будешь жестокимъ ея врагомъ, злымъ тираномъ, хищнымъ звѣремъ...

Не изъ желанія опечалить васъ, новобрачные супруги, говор объ этомъ, а только для выясненія неправильнаго пониманія многими изъ васъ главенства мужа надъ женою и—въ назиданіе всѣхъ, здѣсь предстоящихъ.

Не злоупотребляйте, мужья, вашимъ главенствомъ надъ женами! Припомните хорошенько читанное при совершеніи брака изъ святого апостола и вы увидите въ немъ полное подтвержденіе словъ моихъ относительно обязанностей, какія возлагаетъ на мужей ихъ главенство надъ женами. Въ этомъ апостольскомъ чтеніи говорилось: *мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ глава Церкви* (Еф. 5, 23), но Христосъ,—глава Церкви—до того возлюбилъ Церковь,—всѣхъ вѣрующихъ въ Него,—что *предалъ Себя за нее*,—положилъ жизнь Свою за насъ,—умеръ за насъ на крестѣ: такъ и мужъ—глава жены—долженъ любить свою жену до готовности положить за нее, въ случаѣ надобности, самую жизнь свою (—ст. 25); мужья должны

любить своихъ женъ, *какъ свои тѣла* (—ст. 28).—Вотъ, къ чему обязываетъ мужа его главенство надъ женою!

Жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ какъ Господу (—ст. 22): учитъ насъ св. Апостолъ. Повиноваться мужьямъ, по христіански любящимъ своихъ женъ, для васъ, жены, очень легко, *и бояться* такихъ мужей вамъ слѣдуетъ; ибо мужья, по христіански любящіе своихъ женъ, конечно, не потребуютъ отъ нихъ чего-либо обиднаго и унизительнаго,—чего либо не разумнаго, не согласнаго съ справедливостію и христіанскою любовію; жена согрѣшитъ предъ Богомъ, если не станетъ исполнять разумныхъ, справедливыхъ и проникнутыхъ христіанскою любовію требованій своего мужа...

Старайтесь же, молодые супруги, объ исполненіи и вашихъ взаимныхъ супружескихъ обязанностей: любите другъ друга крѣпкою любовію; будьте вѣрны другъ другу; будьте другъ другу уступчивыми и снисходительными, сохраняйте между собою миръ, согласіе и супружескую вѣрность—и, повторяю, благодать и милость Божія, а съ ними и счастіе, никогда не оставятъ васъ... Аминь.

Священникъ *Карпъ Чулаевскій*.

Странствующій украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода.

Въ нынѣшнемъ году 29 октября исполнится сто лѣтъ со дня смерти Григорія Саввича Сковороды, и доселѣ извѣстнаго на его родинѣ подъ именемъ странствующаго украинскаго философа. Какъ воспитывавшійся въ Кіевской академіи и имѣвшій въ городѣ не мало друзей и почитателей, Григорій Саввичъ не безъизвѣстенъ и Кіеву. Поэтому считаемъ не лишнимъ, хотя въ краткихъ чертахъ, познакомить нашихъ читателей съ этою загадочною и чрезвычайно своеобразною личностію, такъ сильно интересовавшею и даже увлекавшею современниковъ.

Сковорода родился въ 1722 году, въ селѣ Чернухахъ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи. Родители его были изъ простого званія: отецъ—казакъ, мать—казачка. Мѣщане по состоянію, они были не совсѣмъ достаточны; но ихъ честность, правдивость, гостепріимство и набожность были извѣстны во всемъ околоткѣ. Съ ранняго дѣтства сынъ ихъ Григорій обнаруживалъ охоту къ ученію и склонность къ музыкѣ. Одѣвшись, бывало, въ «юфтовое» платье, онъ отправлялся въ близь лежащую рощу и наигрывалъ тамъ священные гимны на своей «сопилкѣ», впослѣдствіи усовершенствованной имъ въ флейту. Имѣлъ онъ также привычку часто ходить въ церковь на клиросъ и пѣть, при чемъ любимою его пѣснію былъ стихъ св. Іоанна Дамаскина: «Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе Твои отроцы небрегоша безбожнаго велѣнія».

Въ то время въ Малороссіи способныя казацкія дѣти обыкновенно поступали въ славившуюся науками Кіевскую академію: родители расчитывали втянуть ихъ чрезъ образованіе въ ряды казацкой старшины или духовенства. По охотѣ къ ученію, отданъ былъ въ Академію и молодой Сковорода, который скоро превзошелъ своихъ товарищей въ успѣхахъ и похвалахъ отъ училищнаго начальства. Митрополитъ Кіевскій Самуилъ Миславскій, человѣкъ остраго ума и рѣдкихъ способностей, будучи товарищемъ его по классу, во многомъ отставалъ отъ него. Вскорости, по вступленіи въ Академію, Сковорода обратилъ на себя вниманіе регента академическаго хора, вслѣдствіе чего и зачисленъ былъ въ пѣвчіе. Но не долговременно было на сей разъ пребываніе Сковороды въ Академіи: благодаря прекрасному голосу-дисканту и своимъ музыкальнымъ способностямъ, онъ взятъ былъ въ придворную пѣвческую капеллу, еще со временъ царя Алексѣя Михайловича пополнявшуюся лучшими голосами изъ Малороссіи. При Дворѣ, въ качествѣ пѣвчаго, Сковорода оставался около двухъ лѣтъ. Вѣроятно, здѣсь имъ положенъ былъ напѣвъ церковной пѣсни «Иже Херувимы», извѣстный подъ именемъ «придворнаго», который и нынѣ считается однимъ изъ лучшихъ напѣвовъ и употребляется во многихъ сельскихъ церквахъ Малороссіи. Напѣвъ этой пѣсни, по высочайшему повелѣнію, изданъ подъ руководствомъ Бортнянскаго въ 1804 году и разосланъ по всѣмъ церквамъ, для единообразія въ

церковномъ пѣніи. Кромѣ того, Сковородѣ приписываютъ введеніе во всеобщее употребленіе торжественнаго, веселаго напѣва: «Христосъ воскресе» и канона на Пасху «Воскресенія день», вездѣ именуемаго «Сковородинскимъ», вмѣсто прежняго унылаго, ирмолойнаго напѣва. Сочинялъ Сковорода и такъ называемые духовные канты, не введенные въ церковную практику, а употреблявшіеся впослѣдствіи въ частныхъ домахъ кіевскаго духовенства, любившаго завѣтную старину. Но страсть къ наукѣ пересиливаетъ въ немъ любовь къ искусству.

Когда Императрица Елизавета Петровна со всѣмъ дворомъ посѣтила Кіевъ, 22-хъ лѣтній Сковорода также прибылъ сюда вмѣстѣ съ другими придворными пѣвчими; но, при возвращеніи Двора въ Петербургъ, онъ, получивъ увольненіе съ чиномъ придворнаго уставщика (запѣвала въ хорѣ), остался въ Кіевѣ и опять поступилъ въ Академію для продолженія образованія. Съ жаромъ принялся Сковорода за ученіе, такъ-что успѣлъ пріобрѣсти обширныя свѣдѣнія даже и сверхъ курса академическихъ предметовъ: изучивъ прекрасно Риторику, Поэзію, Философію, Метафизику, Математику, Естественную исторію и Ботанику, онъ въ совершенствѣ постигъ языки: еврейскій, греческій, латинскій, нѣмецкій, польскій и церковно-славянскій,—говорилъ и писалъ на нихъ свободно. Но къ духовному званію, къ которому преимущественно готовилъ его отецъ, онъ, повидимому, вовсе не имѣлъ расположенія. По крайней мѣрѣ, существуетъ такой разсказъ: когда одинъ кіевскій архіерей хотѣлъ было посвятить Сковороду во священники, Сковорода, чтобы отдѣлаться какъ-нибудь отъ этого, прибѣгнулъ къ хитрости: притворился душевно-больнымъ, измѣнилъ голосъ, началъ заикаться и пр.,—почему и исключили его изъ Академіи, какъ больного, и, признавъ неспособнымъ къ духовному званію, оставили въ покоѣ. Этого-то и хотѣлъ Сковорода. Кругъ академическихъ наукъ показался ему недостаточнымъ; въ такихъ натурахъ жажда знанія ненасытима. Гдѣ же взять этихъ знаній? И, вотъ, Сковорода захотѣлъ видѣть чужіе края. Скоро представился къ тому и удобный случай, которымъ онъ охотно воспользовался. Генералъ-маіоръ Вишневскій, отправлявшійся, по порученію Двора, въ Венгрію, къ Токайскимъ садамъ—заготовить ко Двору Импера-

трицы токайскихъ винъ, желалъ имѣть, для находившейся въ Офенѣ православной церкви, человѣка, хорошо знающаго церковное пѣніе. Сковорода, извѣстный уже искусствомъ своимъ въ музыкѣ и пѣніи, а также знаніемъ нѣсколькихъ языковъ, былъ представленъ вельможѣ, и завѣтное желаніе его быть заграницей исполнилось: съ генераломъ Вишневскимъ онъ отправился въ Венгрію. Почти безъ всякихъ средствъ, пѣшкомъ, съ котомкой за плечами и посохомъ въ рукѣ, обошелъ Сковорода всю Венгрію, Польшу, Германію, Италію и пр. При этомъ не столько интересовали его мѣста, сколько ученые люди Европы. Благодаря тому, что Сковорода хорошо говорилъ на разныхъ языкахъ, онъ заводилъ знакомства и сношенія съ извѣстнѣйшими въ то время европейскими учеными и философами, а съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣталъ и новыя познанія, какихъ не могъ добыть въ своемъ отечествѣ.

Обогатившись идеями германской философіи и сочетавъ ихъ съ своею религіозностію, Сковорода вернулся на родину человѣкомъ съ сложившимися убѣжденіями и съ такимъ громаднымъ запасомъ всякихъ свѣдѣній, что, по отзыву современниковъ, «могъ занять мѣсто между европейскими учеными найболѣе уваженными». По возвращеніи изъ заграницы, онъ не засталъ въ живыхъ почти никого изъ родныхъ, и потому, побывавши въ родномъ селѣ, взялъ опять свой страннической посохъ и пошелъ къ прежнимъ своимъ пріятелямъ и знакомымъ. Средствъ къ жизни у него не было никакихъ; но, благодаря остроумію и краснорѣчію, его выдающійся умъ и широкое образованіе не могли долго оставаться подъ спудомъ. Тѣмъ не менѣе, Сковородѣ, при особенностяхъ его натуры, не такъ-то легко было добыть и тѣ ничтожныя средства, въ какихъ онъ крайне нуждался. Единственное общественное положеніе, съ которымъ онъ мирился, было педагогическое, но и тутъ часто наталкивался онъ на подводные камни.

По приглашенію переяславскаго епископа, Никодима Стребницкаго, Сковорода занялъ вакантное мѣсто учителя Поэзіи въ тамошней семинаріи. Сослуживцами по семинаріи у него были: извѣстный протоіерей Гречка и знаменитый впослѣдствіи кіевскій проповѣдникъ Иванъ Леванда,—оба не менѣе Сковороды богатые разнообразными приключеніями. Въ семинаріяхъ въ то время гос-

подствовалъ еще Симеонъ Полоцкій, силлабическіе стихи котораго предпочитали ямбамъ Ломоносова. Сковорода хотѣлъ ввести въ свое преподаваніе новые взгляды на предметъ и написалъ разсужденіе о поэзіи и руководство къ ней. Однако епископъ приказалъ ему измѣнить учебникъ и потребовалъ, чтобы преподаваніе велось по старому. Сковорода не хотѣлъ уступить, ссылаясь на ученые авторитеты, и свое письменное объясненіе по этому поводу усилилъ латинскою пословицей: Alia res spectrum, alia plectrum (одно дѣло пастырскій жезлъ, а другое—пастушья свирѣль). Епископъ на докладѣ Консисторіи собственноручно сдѣлалъ не менѣе выразительную надпись: «не живяше посредѣ дому моего творяй гордыню». Вслѣдъ за тѣмъ Сковорода былъ изгнанъ изъ Переяславской семинаріи.

Тѣснимый нуждой, Сковорода, послѣ этого, пробуетъ устроиться педагогомъ въ частномъ домѣ. Случай къ этому скоро представился. Богатому, вельможному землевладѣльцу Стефану Тамарѣ понадобился учитель для сына. Благодаря рекомендаціи знакомыхъ, Сковорода занялъ это мѣсто и ревностно принялся за воспитаніе своего питомца. Цѣлый годъ шло уже ученіе и ученикъ всею душою успѣлъ привязаться къ своему учителю. Но неосторожно сказанное слово, оскорбившее шляхетскую гордость спѣсиваго пана, послужило причиною удаленія Сковороды отъ занимаемой имъ должности. Въ крайней нуждѣ прибылъ Сковорода къ одному своему пріятелю, переяславскому сотнику. Тутъ представился ему случай ѣхать въ Москву съ нѣкіимъ Киллографомъ, получившимъ мѣсто проповѣдника въ Московской академіи, съ которымъ онъ, какъ его знакомый, и отправился въ дорогу. Изъ Москвы онъ проѣхалъ въ Сергіеву лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ извѣстный впослѣдствіи ученостію епископъ черниговскій, Кириллъ Флоринскій. Кириллъ уговорилъ Сковороду остаться въ Лаврѣ для пользы училища; но скоро послѣднему сгрустнулось по родной Малороссіи, и онъ бросилъ лаврское училище и возвратился опять въ Переяславъ, «оставивъ по себѣ въ Лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла». Не успѣлъ Сковорода возвратиться въ Переяславъ, какъ старый Тамара, не смотря на произшедшее недоразумѣніе, все таки по достоинству оцѣнившій умъ и образованіе бывшаго учи-

теля своего сына, сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы снова возвратить его въ свой домъ. Но обиженный Сковорода ни за что не соглашался занять свое прежнее мѣсто, и только благодаря хитрости одного знакомаго, удалось ночью соннаго перевезти его въ домъ Тамары, гдѣ, наконецъ, и упросили его остаться.

26 апрѣля, 1758 года, прибылъ въ Бѣлгородъ на епископскую каѳедру Іоасафъ II Миткевичъ. Онъ пригласилъ къ себѣ изъ Переяслава извѣстнаго ему по старой пріязни игумена Гервасія Якубовича раздѣлить съ нимъ епархіальные труды и дружескую жизнь. По пріѣздѣ въ Бѣлгородъ, Гервасій, видя ревность Іоасафа къ наукамъ, сейчасъ же завелъ рѣчь о Сковородѣ; епископъ вызвалъ послѣдняго къ себѣ чрезъ Гервасія и предоставилъ ему мѣсто учителя Поэзіи въ харьковскомъ коллегіумѣ. Это было въ 1759 году. Скоро разнеслась по Харькову молва о необыкновенной учености, краснорѣчіи и вмѣстѣ съ тѣмъ набожности новаго учителя Коллегіума. Прошелъ учебный годъ, и Сковорода пріѣхалъ въ Бѣлгородъ къ Іоасафу отдохнуть отъ трудовъ. Епископъ, полюбившій Сковороду за умъ, спокойствіе духа и независимость отъ мірской суеты, чтобы удержать его долѣе при Коллегіумѣ, поручилъ Гервасію уговорить его, какъ пріятеля, принять монашество, обѣщая скоро довести его до высокаго сана. Гервасій началъ совѣтовать ему вступить въ монашеское званіе; но Сковорода отказался отъ этого, вслѣдствіе чего между нимъ и Гервасіемъ возникли холодныя отношенія. Впрочемъ, это не помѣшало Іоасафу предложить впослѣдствіи Сковородѣ, оставившему послѣ этого Коллегіумъ, преподавать въ немъ синтаксисъ и греческій языкъ.

Въ августѣ 1764 года Сковорода посѣтилъ Кіевъ. Многіе изъ бывшихъ учениковъ его, родственниковъ и знакомыхъ, бывшіе тогда монахами въ Печерской лаврѣ, уговаривали его вступить въ монашество, говоря: «полно бродить по свѣту! Пора пристать къ гавани; намъ извѣстны твои таланты; св. Лавра приметъ тебя, какъ свое чадо, ты будешь столпомъ Церкви и украшеніемъ обители». «Довольно и васъ...» отвѣчалъ имъ Сковорода; мнѣ ли грѣшному принимать ангельскій чинъ?» По просьбѣ своего родственника, печерскаго типографа,—Іустина, Сковорода рѣшился остаться въ Кіевѣ; но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ уже

возвратился въ Украйну, которую предпочиталъ Малороссіи за свѣжій воздухъ и чистыя воды. Малороссію онъ обыкновенно называлъ матерью, такъ какъ родился тамъ, а Украйну—теткою, по жительству въ ней и любви къ ней.

Въ 1766 году, по повелѣнію Екатерины, при харьковскомъ Коллегіумѣ, по ходатайству губернатора Щербинина, устроены были «прибавочные классы», гдѣ вводились въ преподаваніе для благороднаго юношества нѣкоторые новые предметы и между ними правила Благонравія. Какъ способнѣйшій изъ наставниковъ Коллегіума, Сковорода назначенъ былъ преподавателемъ Благонравія. Теперь онъ достигъ возможности свободно и открыто съ каѳедры преподавать то, что было особенно близко его сердцу. Сковорода такъ былъ доволенъ этимъ назначеніемъ, что даже отказался брать за преподаваніе опредѣленное по окладу жалованье. Въ предварительной лекціи онъ высказалъ нѣкоторыя свои мысли и отозвался о мало просвѣщенныхъ своихъ сослуживцахъ со всею прямотою, какая вытекала изъ его цѣльнаго характера. «Весь міръ спитъ! такъ началъ онъ свою лекцію,—да еще не такъ спитъ, какъ сказано: аще упадетъ, не разбіется; спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибленъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, небойся, мѣсто хорошее..; чего опасаться!» Волненіе было готово; но блестящій финалъ этого еще впереди; пока, однакоже, все затихло. Сковорода началъ читать свои уроки, читалъ ихъ такъ увлекательно, что не замедлилъ пріобрѣсти и громкую славу у друзей, и сильную зависть у враговъ. Въ руководство ученикамъ написалъ онъ извѣстное свое сочиненіе: «Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства харьковской губерніи», представлявшее какъ-бы конспектъ читанныхъ имъ лекцій; по просьбѣ друзей, онъ давалъ это сочиненіе нѣкоторымъ для прочтенія, и тогда то буря разразилась надъ его головой со всею силою. Рукопись пошла по рукамъ. Съ жадностію читали ее; но зависть къ талантамъ даровитаго наставника сдѣлала даже нѣкоторыхъ друзей его явными недоброжелателями. Не прошла безъ непріятностей для Сковороды и проповѣдь, произнесенная имъ въ праздникъ Преображенія Господня на текстъ: *убуждшеся видѣша славу Его* (Лук. 9, 32), въ

которой высказаны были мысли, не совсѣмъ понятныя тогдашнимъ украинскимъ ученымъ, но тѣмъ напугавшія товарищей Сковороды, понявшихъ содержаніе проповѣди по своему. Такъ какъ въ сочиненіяхъ Сковороды, по заявленію его враговъ, найдено много сомнительнаго, то ему назначенъ былъ диспутъ для защиты его положеній. Сочиненія разобраны на диспутѣ съ самой дурной стороны,—все истолковано въ превратномъ смыслѣ. Сковорода опровергалъ своихъ противниковъ умно, отчетливо, бойко; всѣ, бывшіе на диспутѣ, приходили въ восторгъ отъ основательныхъ доводовъ, приводимыхъ имъ въ свою защиту, отъ страстнаго, стремительнаго его краснорѣчія. Тѣмъ не менѣе Сковорода долженъ былъ отказаться отъ должности учителя и бѣжать на время изъ Харькова. Но, враги не хотѣли оставить его въ покоѣ и послѣ этого. Они разглашали повсюду, что Сковорода осуждаетъ употребленіе мяса и вина и самъ не употребляетъ ихъ; а потому обвинили его въ манихейской ереси и дали ему прозваніе «манихейскаго ученика». Сковорода, услыхавъ объ этомъ, явился въ городъ и при первомъ же удобномъ случаѣ постарался опровергнуть взведенную на него клевету самымъ основательнымъ образомъ.

Въ изюмскомъ округѣ, харьковской губерніи, жили тогда дворяне Сошальскіе, которые, будучи привязаны къ Сковородѣ, просили его погостить у нихъ. Сковорода поѣхалъ въ деревню ихъ Гусинку и поселился у нихъ на пасѣкѣ. Въ 1770 году онъ отправился съ Сошальскими въ Кіевъ, гдѣ остановился у своего родственника Іустина, тогда уже начальника Китаевской пустыни. Прошло три мѣсяца, проведенныхъ имъ съ удовольствіемъ, какъ вдругъ онъ сталъ просить о. Іустина скорѣе отправить его въ Харьковъ. Послѣдній просилъ его остаться. Сковорода упорно настаивалъ на просьбѣ—отпустить его. Іустинъ всѣми святыми заклиналъ—не покидать его. Тогда Сковорода обратился къ другимъ своимъ кіевскимъ пріятелямъ съ просьбой отправить его на Украйну. Тѣ также старались удержать его отъ поѣздки, но онъ заявилъ, что ему духъ велитъ удалиться изъ Кіева. Между тѣмъ, пошелъ онъ на Подолъ. Спускаясь туда по горѣ (Андреевскій спускъ), Сковорода вдругъ остановился, и, почувствовавъ сильный запахъ труповъ, не могъ далѣе идти впередъ, воротился въ Китаевъ и, къ

великому неудовольствію о. Іустина, на другой же день отправился въ путь. Чрезъ двѣ недѣли онъ уже былъ въ Ахтырскомъ монастырѣ, гдѣ и поселился у своего пріятеля, архимандрита Венедикта. Не прошло и нѣсколько дней, какъ получено было извѣстіе о появившейся въ Кіевѣ чумѣ, о которой въ бытность его тамъ не было никакихъ слуховъ. Отдухнувъ нѣсколько у о. Венедикта, Сковорода опять направилъ свои стопы въ Гусинку къ Сошальскимъ, въ «любимое свое пустынно-жительство», по собственному его выраженію. Когда усталость отъ безпрерывнаго умственнаго напряженія заставляла его перемѣнить свое занятіе, тогда приходилъ онъ къ престарѣлому пчеловоду, недалеко отъ деревни жившему на пасѣкѣ, бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго своего пса,—и трое, составя общество, раздѣляли между собою трапезу.

Съ 1775 года началась постоянная скитальческая жизнь Сковороды по Украйнѣ, продолжавшаяся около двадцати лѣтъ, до самой его смерти. Полюбя Тевяшева, воронежскаго помѣщика, онъ жилъ нѣкоторое время у него въ деревнѣ. Потомъ видимъ его въ Бурлукахъ у харьковскаго помѣщика Захаржевскаго, а также у Щербинина въ Бабаяхъ, близь Харькова, въ Ивановкѣ у Ковалевскаго, въ 35 верстахъ отъ Харькова, у любимѣйшаго своего друга Ковалѣнскаго, которому мы обязаны достовѣрнымъ его жизнеописаніемъ, въ селѣ Хотовѣ, недалеко отъ Орла, въ монастыряхъ: старо-харьковскомъ (нынѣ куряжскомъ), Харьковскомъ училищномъ, Ахтырскомъ, Сумскомъ (упраздненномъ), Святогорскомъ, Сеннянскомъ (также упраздненномъ). Но особенно любилъ Сковорода заходить въ Харьковъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, новый начальникъ губерніи, много наслышавшись о немъ, пожелалъ видѣть его. Сковорода явился къ нему по приглашенію. Губернаторъ, при первомъ же знакомствѣ, посмотрѣвъ на него пристально, спросилъ: «Г. Сковорода! о чемъ учитъ Библія?».—«О человѣческомъ сердцѣ, отвѣчалъ онъ: поваренныя книги ваши учатъ, какъ удовольствовать желудокъ, псовыя, какъ звѣрей ловить, людныя, какъ наряжаться, а Библія учитъ, какъ облагороживать человѣческое сердце». Одинъ изъ присутствовавшихъ тутъ же спросилъ его: «что такое философія?»—«Главная цѣль человѣческой жизни», былъ от-

вѣтъ Сковороды. «Всякій имѣетъ цѣль въ жизни, но не всякій имѣетъ главную цѣль. Одинъ стремится предоставить жизнь своему чреву, другой—глазамъ, тотъ—волосамъ, этотъ—ногамъ, иной же одеждамъ и другимъ неодушевленнымъ предметамъ; философія или любомудріе старается дать жизнь нашему духу, благородство—сердцу, ясность—мыслямъ. Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли свѣтлы, сердце спокойно, тогда все счастливо, блаженно. Это и есть философія».

Подъ конецъ жизни, Сковорода, 73-лѣтній старецъ, удрученный болѣзнями, не взирая на дальность пути, на безпрерывно-мокрую осеннюю погоду, отправился въ с. Хотетово къ другу своему Ковалѣнскому, который, послѣ продолжительной разлуки, хотѣлъ видѣть его и звалъ его въ свой домъ, какъ тихую пристань, послѣ долгаго странствованія по волнамъ бурнаго житейскаго моря. Сковорода привезъ къ нему свои сочиненія, изъ которыхъ нѣкоторыя самъ читалъ ему ежедневно и, между чтеніемъ, занималъ его разными глубокомысленными разсужденіями. Многіе въ окрестности, узнавъ о прибытіи Сковороды къ Ковалѣнскому, желали видѣть его, и для того нѣкоторые пріѣхали въ Хотетово. Изъ числа пріѣхавшихъ, губернскій прокуроръ, молодой человѣкъ, подошелъ къ нему и привѣтливо сказалъ «Григорій Саввичъ! прошу любить и жаловать меня».—«Могу ли любить васъ, отвѣчалъ Сковорода, я еще не знаю». Другой, директоръ экономіи, желая познакомиться съ нимъ, говорилъ ему: «я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ, прошу доставить мнѣ и личное знакомство ваше». Сковорода спросилъ: «какъ зовутъ васъ?»—Я называюсь такъ-то. Сковорода: «имя ваше не скоро ложится на мое сердце». Нѣкоторые изъ «высокомудрствующихъ» завидовали талантамъ Сковороды и отъ зависти говорили: «жаль, что Сковорода ходитъ около истины и не находитъ ея».

Но не прошло и трехъ недѣль, какъ Сковорода сталъ просить своего друга отпустить его въ любимую Украйну. «Останься у меня провести хотя зиму!» умолялъ его Ковалѣнскій. «Духъ мой велитъ мнѣ ѣхать», отвѣчалъ Сковорода, и другъ уже не сталъ удерживать его. Снабжая его всѣмъ необходимымъ на дорогу, онъ говорилъ: «возьмите это; можетъ быть въ пути усилившаяся бо-

лѣзнь заставитъ гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить... «Ахъ, другъ мой! сказалъ Сковорода: неужели я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу? Промыслъ Его вѣрно печется о насъ и дастъ все потребное во благовременніи?» При разставаніи, обнимая друга, Сковорода замѣтилъ: «быть можетъ, больше уже не увижу тебя! Прости! помни всегда на всѣхъ путяхъ твоей жизни то, о чемъ мы часто бесѣдовали». По пріѣздѣ въ Курскъ, Сковорода остановился, вслѣдствіе безпрерывныхъ дождей, у архимандрита Амвросія; отсюда, улуча ведро, отправился далѣе, въ излюбленную Гусинку,—но въ концѣ пути почувствовалъ побужденіе ѣхать въ Ивановку къ Ковалевскому. Здѣсь онъ прожилъ немного больше мѣсяца. Жизнь его постепенно угасала. По преданію, послѣднимъ земнымъ жилищемъ его была небольшая отдѣльная «комнатка», окнами выходившая въ садъ. Но въ ней онъ былъ очень рѣдко: обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, или ходилъ по саду и полямъ. Будучи всегда почти на ногахъ, онъ часто говаривалъ съ благодушіемъ: «духъ бодръ, но плоть немощна». Однажды къ помѣщику собрались сосѣди послушать Сковороду. За обѣдомъ Сковорода былъ необычайно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, разсказывая про все былое, про свои странствія и испытанія. Послѣ же обѣда, онъ вдругъ скрылся въ саду и, выбравъ удобное мѣсто на высокомъ берегу пруда, близь рощи и гумна, началъ рыть яму—узкую длинную могилу. Когда его спросилъ хозяинъ: «что это такое,—чѣмъ это онъ занятъ?» Сковорода отвѣчалъ: «пора, братъ, кончить странствіе! И такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній! Пора успокоиться!» — «И, другъ, пустое! Полно шутить! Пойдемъ!» — «Иду! но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила съ надписью: «міръ ловилъ меня и не поймалъ...» И Сковорода пошелъ въ свою «комнатку», перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу, и, положивъ подъ голову свои рукописи и сѣрую свиту, легъ, положивши на крестъ руки, и уснулъ на вѣки... Это было 29 октября, по утру на разсвѣтѣ, 1794 года. Погребенію Сковорода преданъ на завѣщанномъ имъ мѣстѣ. Надгробная надпись, составленная ему другомъ его Ковалѣнскимъ, гласитъ слѣдующее: «Ревнитель истины, духовный Богочтецъ, и словомъ, и умомъ, и жизнію

мудрецъ. Любитель простоты и отъ суетъ свободы, безъ лести, другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда. Достигъ на верхъ наукъ познаній духъ природы, достойный для сердецъ примѣръ—*Сковорода*». Чрезъ 20 лѣтъ, тѣло Сковороды было перенесено изъ прежняго мѣста погребенія и похоронено въ саду священника, по старанію одного изъ учениковъ его, Мещерякова. Впослѣдствіи имя Сковороды въ Ивановкѣ было почти совсѣмъ забыто, и къ могилѣ его не имѣли никакого уваженія. Къ сожалѣнію, могила этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ человѣка и доселѣ остается безъ достойнаго памятника.

Сковорода оставилъ послѣ себя много сочиненій философско-богословскаго содержанія, оригинальныхъ и переводныхъ, немало стихотвореній и нравоучительныхъ писемъ на русскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ, писанныхъ къ многочисленнымъ друзьямъ и знакомымъ. Нѣкоторыя изъ его сочиненій изданы въ свѣтъ, а большинство ихъ хранится въ рукописяхъ у разныхъ частныхъ лицъ.

Между всѣми произведеніями Сковороды могли имѣть и дѣйствительно имѣли большое вліяніе на народъ его полудуховныя, полусатирическія пѣсни, въ которыхъ замѣчается присутствіе нравственнаго элемента. Изъ всѣхъ такихъ пѣсней болѣе извѣстна: «Всякому городу нравъ и права». Эта пѣсня, въ которой выводится на позоръ «Петръ, что для чиновъ углы панскіе третъ», и «Ѳедька купецъ, что при аршинѣ все лжетъ», тѣ, которые «формируютъ на ловлю собакъ», и которыхъ «шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ»,—тогда же была переложена на музыку и распѣвалась бродячими пѣвцами, называемыми «слѣпцами-бандуристами», на ярмаркахъ, перекресткахъ большихъ дорогъ и подъ окнами обывателей. Эта пѣсня Сковороды, равно какъ и другія его сатирическія пѣсни, извѣстныя въ Малороссіи подъ именемъ псалмовъ или «думъ», въ которыхъ порицается жизнь высшаго класса общества, съ ея праздной и вредной суетой, съ ея отсутствіемъ истиннаго содержанія и смысла,—такъ усвоилась вездѣ въ малороссійскомъ народѣ, что вошла въ циклъ произведеній народнаго пѣсеннаго творчества и имѣетъ теперь уже нѣсколько варіантовъ. Присутствіе нравственнаго элемента особенно сказывается въ припѣвѣ

къ этой пѣсни: «А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума, какъ-бы умерти мнѣ не безъ ума».

Эта-то нравоучительная проповѣдь Сковороды производила глубокое впечатлѣніе на всѣ слои украинскаго народа,—тѣмъ болѣе, что она оправдывалась примѣромъ его собственной жизни. За отсутствіемъ въ то время науки и литературы въ главномъ городѣ Слободской Украйны (въ Харьковѣ), къ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе живые умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его, любили или ненавидѣли, хвалили или порицали, а главное, всѣ имъ интересовались, и двери всѣхъ были для него раскрыты. По степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать «странствующимъ университетомъ, или академіей» тогдашнихъ украинцевъ, пока, наконецъ, черезъ десять лѣтъ послѣ его смерти, Василій Каразинъ не открылъ на Украйнѣ перваго университета. Самое дѣло Каразина увѣнчалось такимъ успѣхомъ не потому ли, что въ 1803 году первые изъ подписавшихся дворянъ на огромную и по теперешнему курсу сумму въ 618 тысячъ рублей, для основанія университета въ Харьковѣ, были или ученики, или друзья, или близкіе знакомые Сковороды. Уваженіе къ Сковородѣ простиралось до того, что почитали за особенное благословеніе Божіе тому дому, гдѣ останавливался онъ хоть на одинъ день. Онъ предпочиталъ всему уединенныя пасѣки, но проживалъ и въ домахъ священниковъ, и въ монастыряхъ, и въ помѣщичьихъ усадьбахъ, гдѣ, впрочемъ, обыкновенно спалъ лѣтомъ въ саду, а зимой въ конюшнѣ. Онъ могъ-бы составить себѣ подарками порядочное состояніе; но, что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря: «давайте тѣмъ, кто нуждается больше меня»,—и самъ довольствовался только простонародной свиткой съ «видлогою». «Чоботы» про запасъ, посохъ—«журавль» въ рукахъ, сопилка за поясомъ, да «торба» съ нѣсколькими книгами и рукописями за плечами—вотъ все его имущество. Потребности его были ограничены до послѣдней степени: ѣлъ онъ крайне умѣренно, и то разъ въ сутки, мяса не ѣлъ вовсе. Живя въ Харьковѣ, въ качествѣ наставника Коллегіума, онъ, по словамъ Ковалѣнскаго, «спалъ въ сутки не больше четырехъ часовъ; вставалъ до зари и, когда позво-

ляла погода, пѣшкомъ ходилъ за городъ гулять». Но въ тоже время онъ совсѣмъ не былъ аскетъ: онъ слишкомъ любилъ природу, музыку: флейта была неразлучной его спутницей. Переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ, или, вынувъ изъ за пояса свою любимицу, наигрывалъ на ней свои фантазіи. Въ пріятельскихъ собраніяхъ онъ не уклонялся отъ веселой бесѣды, хотя бы она даже одушевлялась употребленіемъ малороссійской наливки. Разъ чуть было Сковорода не женился, но природа мудреца взяла верхъ, и онъ буквально ушелъ изъ церкви изъ—подъ вѣнца.

Являясь наставникомъ всѣхъ классовъ украинскаго общества, Сковорода особенно любилъ учить простой народъ. Простонародность была для него, казацкаго сына, съ одной стороны, естественнымъ обнаруженіемъ его симпатій, съ другой, сознательнымъ принципомъ. Онъ страстно любилъ прекрасную природу Малороссіи, ея языкъ, пѣсни, нравы, обычаи, любилъ такъ, что не могъ разстаться съ нею. Екатерина II, уважавшая Сковороду, однажды чрезъ Потемкина послала ему приглашеніе—изъ Украйны переселиться въ столицу. Посланный отъ Потемкина засталъ Сковороду съ флейтой у дороги, возлѣ которой паслись овцы. Сковорода, выслушавъ приглашеніе, отвѣтилъ: «скажите матушкѣ-царицѣ, что я не покину родины...; мнѣ моя свирѣль и овца дороже царскаго вѣнца». По отношенію же къ народу, любовь Сковороды являлась въ освѣщеніи сознательною мыслію его. «Знаніе не должно узить своего излiянія на однихъ жрецовъ науки, которые трутъ и пресыщаются, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей,—но должно переходить на весь народъ, войти въ народъ, и водвориться въ сердцѣ и душѣ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ правду осязать: и я человѣкъ, и мнѣ человѣческое не чуждо!» Что онъ разумѣлъ подъ словомъ «народъ»—видно изъ всей его жизни: не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, онъ, по оставленіи учительства въ школѣ, училъ всюду, гдѣ могъ,—въ «хатахъ», на распутіяхъ, на торжищахъ, у кладбища, на папертяхъ церковныхъ, когда, по его острому словцу, «скачетъ пьяная воля», и во дни страды, когда при бездождіи потъ поливаетъ землю. Да и въ сочиненіяхъ своихъ Сковорода не разъ называетъ свое ученіе «простонародною тканкою и плеткою», а

себя называетъ другомъ поселянъ, чужимъ для тѣхъ ученыхъ, которые такъ горды, что не хотятъ и говорить съ простолюдиномъ,— и онъ гордился именемъ народнаго учителя, презирая кривые толки и насмѣшки педантовъ своего времени. «Надо мною позоруются (по поводу его учительства въ простомъ народѣ); пускай позоруются; о мнѣ баютъ, что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть свѣточа;—пускай баютъ на меня, острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу; пускай острятъ они,— знаютъ свое, а я знаю мое, и дѣлаю свое, какъ я знаю, и моя тяга мнѣ успокоеніе. Барская умность, пишетъ Сковорода, будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой матери рождать живыхъ дѣтей? И какъ изъ утробы чернаго народа вылонились бѣлые господа?» Въ этихъ словахъ Сковороды нельзя не видѣть перваго проблеска литературно публицистическаго протеста противъ развивавшагося въ его время на югѣ Россіи крѣпостничества и униженія простолюдиновъ въ обидномъ наименованіи ихъ «чернымъ народомъ».

Обращаясь по преимуществу въ средѣ простого народа, Сковорода старался изучить его природу, языкъ и обычаи; ибо, по его мысли, «учитель—не учитель, а только служитель природы». Эту мысль онъ прекрасно развилъ путемъ сравненій. «Сокола скоро научишь летать, но не черепаху. Орла во мгновеніе научишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Еленя легко направишь на кавказскія горы и привлечешь пить безъ труда изъ чистѣйшихъ нагорныхъ источниковъ, но не верблюда и не вепря. Клубокъ самъ собою покатится съ горы, отними только препятствующій ему камень преткновенія. Не учи его катиться, а только пособляй». Въ дополненіе къ этимъ словамъ приведемъ еще выраженіе Сковороды, что «учителю надлежитъ быть вездѣ сущимъ въ народѣ; ибо изводъ образованія долженъ быть изъ народа, для народа народный; долгъ же учителя... сочетать себя съ народомъ... Какое идолопоклонство—воспись вать выписаннымъ мудрецамъ и наемнымъ учителямъ изъ нѣмцевъ и французовъ силу воспріиносить и воспричитать чуждому воспитанію! Самое воспитаніе скрывается въ природѣ каждою народа, какъ огонь и свѣтъ

невидимо скрывается въ кремешкѣ. Приставь же губу, либо трутъ, не пожалѣй руки и ударь кресаломъ, и выкресешь огонь у себя дома, и не будешь ходить по сосѣднимъ хатамъ съ трепетицею, слоняться и просить: займи мнѣ огня!...» Такое понятіе имѣлъ Сковорода о народѣ и народномъ воспитаніи.

Но изъ—подъ простонародной внѣшности Сковороды отчасти проглядывала та складка, которая когда-то наложена была на него школьнымъ схоластицизмомъ. Въ особенности вліяніе схоластической школы отразилось на языкѣ его сочиненій: онъ писалъ тяжело, языкомъ темнымъ и даже страннымъ. Подъ вліяніемъ школы, можно полагать, въ Сковородѣ окрѣпла наклонность и къ странствованіямъ. Въ малороссійскомъ народѣ всегда были бродячіе элементы, выражавшіеся, между прочимъ, въ формѣ странствующихъ бурсаковъ. Семинарское начальство отпускало иногда бурсаковъ на испрошеніе пособій, или репетицій. Такіе ходоки занимались болѣе пѣніемъ по домамъ и церквамъ, проживали по монастырямъ и въ домахъ помѣщиковъ. Вольная жизнь лѣтомъ на воздухѣ, въ переходахъ изъ села въ село, вдали отъ сумрачныхъ классныхъ комнатъ и отъ строгихъ внушеній училищнаго начальства—все это вырабатывало въ бурсакахъ наклонность къ страннической жизни. Разъ выработалась эта наклонность, не трудно было подыскать для нея теоретическое основаніе, и философъ Сковорода подыскалъ такое основаніе для своей скитальческой жизни. Вотъ что говоритъ онъ самъ о своей жизни: «Что жизнь? *То странствіе.* Прокладываю и себѣ дорогу, не зная, куда идти, зачѣмъ идти. И всегда блуждаю между песчаными степями, колючими кустарниками, горными утесами,—а буря надъ головою, и негдѣ укрыться отъ нея. Но—бодрствуй!»

Мы сказали, что Сковорода, при всей строгости своей жизни, не былъ аскетъ. Соотвѣтственно этому, и философія его не была философіей самодовольства и счастія. Называя всякія почести «мышеловкою для своей души», онъ часто говаривалъ: «я все пока ничто; какъ стану что, то съ меня ничто. Добрый человѣкъ вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ у людей, а воду дастъ ему земля безъ платы; лишнее не нужно... Благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ!»

Одни изъ современниковъ сравнивали нашего украинскаго философа съ Ломоносовымъ, другіе же называли его русскимъ Сократомъ. Отъ перваго самъ Сковорода благоразумно отказывался. «Меня, говорилъ онъ, хотятъ мѣритъ Ломоносовымъ, какъ будто Ломоносовъ—казенная сажень, которою также всякаго должно мѣрить, какъ портной однимъ аршиномъ мѣритъ и парчу, и шелковую матерію и рядину». Что же касается второго названія, то Сковорода и самъ избралъ въ образецъ своего философствованія Сократа, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Скоро ли ниспошлешь намъ Сократа, который бы научилъ насъ прежде всего познанію себя; а когда мы познаемъ себя, тогда сами изъ себя выбьемъ науку, которая будетъ наша, своя, природная. Да святится имя Твое въ мысляхъ и помышленіяхъ раба Твоего, который задумалъ и пожелалъ быть Сократомъ въ Руси; но земля русская обширнѣе греческой, и не такъ то легко будетъ ему скоро обхватить Русь своею проповѣдію».

Размѣры нашего епархіальнаго органа не позволяютъ намъ остановиться на болѣе или менѣе подробномъ изложеніи философскаго міросозерцанія Сковороды, этого «перваго русскаго философа въ настоящемъ смыслѣ этого слова»[1]), дѣйствительно во многомъ напоминающаго собою отца греческой философіи. Поэтому ограничимся только слѣдующими заключительными замѣчаніями[2]).

Философская мысль Сковороды, какъ и Сократа, развивалась изъ однихъ и тѣхъ же началъ: энтузіазма, погружающаго конечное сознаніе въ воодушевленное исповѣданіе безконечнаго, и ироніи, выставляющей конечное за шутку и забаву.—Къ своимъ философскимъ «догматамъ», къ своей миссіи, какъ проповѣдника этихъ догматовъ, Сковорода относился съ религіознымъ энтузіазмомъ. Въ этомъ его энтузіазмѣ сказалось религіозно-мистическое

---

[1]) См. приложеніе къ переводу „Исторіи новой философіи", Ибервега, сдѣланному Колубовскимъ.

[2]) Желающаго обстоятельнѣе ознакомиться съ основными положеніями философіи Сковороды отсылаемъ къ нашей статьѣ о Сковородѣ, появившейся на страницахъ „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи". (Мѣсяцъ іюль и августъ 1894 года).

направленіе духовнаго настроенія европейскаго и русскаго общества второй половины прошлаго столѣтія, извѣстное подъ именемъ масонства. Религіозный мистицизмъ окрѣпъ въ Сковородѣ послѣ его путешествія въ Германію, гдѣ повсюду тогда господствовали мистики и масоны. Правда, Сковорода собственно не былъ масономъ, но онъ въ значительной степени воспитался въ той мистической атмосферѣ, которая питала масонство, и между нимъ и масонами можно находить общія точки соприкосновенія, напр. въ видѣ равнодушія его къ нѣкоторымъ обрядамъ Православной церкви. Однажды, сообщаетъ преданіе, епископъ воронежскій Тихонъ III, въ разговорѣ съ нимъ, спросилъ: «почему не ходите никогда въ церковь?» —«Если Вамъ угодно», отвѣчалъ Сковорода, «я завтра же пойду».—И онъ исполнилъ желаніе епископа. Другой разъ, въ церкви, въ тотъ моментъ, когда священникъ, выйдя изъ алтаря съ Дарами, произнесъ: «Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите»,—Сковорода отдѣлился отъ толпы и подошелъ къ священнику. Послѣдній, боясь пріобщить неприготовившагося къ тому, спросилъ его: знаетъ ли онъ, какой великій грѣхъ можетъ совершить, не приготовившись? И готовъ ли онъ къ сему великому таинству?» «Знаю и готовъ», былъ отвѣтъ Сковороды; и духовникъ, вѣря его словамъ, пріобщилъ его.

Иронія Сковороды была большею частію прикрытіемъ его энтузіазма; ея игривая молнія всего чаще тогда отражалась, когда являла высшую степень восторга. Иронія Сковороды доходила до того, что онъ обращалъ даже въ шутку свое собственное имя, называя свои мысли бѣлымъ блиномъ, спеченнымъ на черной сковородѣ. Въ 1787 году Императрица Екатерина II, проѣздомъ чрезъ Украйну, наслышавшись много о Сковородѣ, увидѣла его и спросила: «отчего ты такой черный?» —Э! вельможная мати, отвѣчалъ онъ: гдѣ же ты видѣла, чтобы сковорода была бѣлая, коли на ней пекутъ да жарятъ, и она все въ огнѣ?».

Священникъ *Н. Стеллецкій.*

Проэктъ коллективнаго страхованія жизни духовенства кіевской епархіи. [1])

Благодаря нѣкоторой безпечности и отчасти самонадѣянности духовенства кіевской епархіи, много уже вдовъ и сиротъ этого духовенства влачатъ горькую долю, нуждаясь даже въ кускѣ насущнаго хлѣба. Хотя, конечно, почти всякій изъ насъ, по мѣрѣ возможности старается дѣлать возможныя сбереженія на дни чорные; но, къ несчастью, часто совершенно неожиданная смерть пресѣкаетъ жизнь главы семейства въ то время, когда семейство его еще ровно ни чѣмъ не обезпечено, и остаются такія сироты иногда совершенно безъ всякихъ средствъ для своего существованія.

Вполнѣ сознавая столь тяжелое положеніе своихъ вдовъ и сиротъ, духовенство кіевской епархіи, для облегченія этого поло-

---

[1]) Предлагаемый проэктъ присланъ составителемъ его при слѣдующемъ письмѣ на имя редактора.

„Представляя Вашему вниманію прилагаемый при семъ „Проэктъ коллективнаго страхованія духовенства кіевской епархіи“ для напечатанія въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, считаю долгомъ высказать при этомъ слѣдующее:

Въ январѣ минувшаго 1893 года, я обращался къ Его Высокопреосвященству съ докладною запискою и представлялъ на благоусмотрѣніе Владыки при семъ прилагаемый Проэктъ. Его Высокопреосвященству благоугодно было сочувственно отнестись къ нему, почему послѣдній и былъ переданъ, по распоряженію Владыки, на разсмотрѣніе бывшаго въ январѣ мѣсяцѣ прошлаго года Съѣзда духовенства кіевской епархіи. Но поелику о.о. депутаты Съѣзда не были подготовлены и уполномочены къ разсмотрѣнію этого проэкта то Съѣздъ духовенства могъ сдѣлать и сдѣлалъ лишь слѣдующее постановленіе: „предложить священнику І. Ясинскому свой проэктъ напечатать въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ для желающихъ.“ Вотъ почему и обращаюсь къ Вашему Высокопреподобію съ почтительнѣйшею просьбою дать мѣсто сему Проэкту на страницахъ ввѣреннаго вамъ Епархіальнаго органа. Если этому проэкту, въ виду его крайней сложности и притомъ потребующему отъ духовенства сильнаго напряженія матеріальныхъ средствъ, и не суждено будетъ осуществиться, то, быть можетъ, по поводу его, кто либо представитъ болѣе практичный и менѣе тяжелый въ матеріальномъ отношеніи проэктъ обезпеченія семействъ духовенства,—который такъ или иначе поможетъ духовенству кіев. еп. обезпечить будущее своихъ несчастныхъ семействъ“.

женія, еще около 25 лѣтъ тому назадъ (въ 1869 году) возбудило вопросъ объ учрежденіи въ епархіи взаимно-вспомогательной или эмеритальной кассы, долженствующей облегчить положеніе вдовъ и сиротъ духовенства. Вопросъ этотъ въ послѣднее время, наконецъ, разрѣшенъ уже въ положительномъ смыслѣ; но тѣмъ не менѣе, въ виду крайней ограниченности предполагаемыхъ эмеритурой пенсій для вдовъ, сиротъ и престарѣлыхъ членовъ духовенства (пенсіонеровъ), именно *по 20, 10 и 5 р. въ годъ* на каждаго члена семьи, это обстоятельство нисколько не гарантируетъ безбѣднаго существованія вдовъ и сиротъ нашего духовенства, тѣмъ болѣе еще, что эти пенсіи будутъ выдаваемы лишь спустя 10 лѣтъ отъ начала взносовъ въ эмеритальный капиталъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая вдова священника съ двумя—тремя дѣтками можетъ прожить на 60—80 р. (а псаломщика на 15—20 р.) годовой пенсіи, не имѣя при этомъ по большей части собственнаго угла?

Въ виду столь печальнаго положенія вдовъ и сиротъ, многіе изъ духовенства кіевской епархіи, не зависимо отъ эмеритуры, стали страховать жизнь свою, или лучше сказать—извѣстный капиталъ для себя на старость и для своего семейства, на случай его сиротства, въ частныхъ страховыхъ обществахъ, и такихъ страхованій между духовенствомъ кіевской епархіи заключено уже не мало,—полагать должно—не менѣе 40—50% всего состава священниковъ епархіи. Это, дѣйствительно, наилучшій способъ гарантировать сколько нибудь безбѣдное существованіе семейства, на случай своей смерти, и извѣстный капиталъ для себя лично, на случай глубокой старости. Къ сожалѣнію, этотъ способъ обезпеченія себя и семьи съ одной стороны вообще очень дорогъ, въ виду слишкомъ высокихъ нормальныхъ страховыхъ премій, а съ другой стороны для людей слабаго сложенія или болѣзненныхъ—и совершенно не доступенъ, такъ какъ страховыя общества принимаютъ на страхъ лицъ только вполнѣ здоровыхъ, при чемъ люди пожилые (50 ти и болѣе лѣтъ), желающіе застраховать свою жизнь на случай смерти, примѣрно въ 5000 р., по нормальному частному страхованію, должны платить чрезвычайно высокія годичныя преміи (свыше 200 р.).

Все это навело насъ на мысль—предложить духовенству кіевской епархіи (и лицамъ служащимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и епархіальныхъ учрежденіяхъ) заключить въ одномъ изъ солиднѣйшихъ страховыхъ обществъ коллективное страхованіе жизни всего состава духовенства и служащихъ въ епархіальныхъ учрежденіяхъ. Выгоды подобнаго страхованія жизни значительны. Во 1-хъ, въ общій счетъ страхователей войдутъ въ такомъ случаѣ всѣ лица епархіальнаго духовенства и служащихъ безъ всякаго медицинскаго освидѣтельствованія и сопряженныхъ съ этимъ освидѣтельствованіемъ весьма частыхъ препятствій къ застрахованію жизни,—войдутъ всѣ: и молодые и старые, здоровые и слабые; въ 2-хъ, всѣ такія лица будутъ платить страховыя преміи *гораздо ниже нормальныхъ*, т. е. такихъ, какія уплачиваютъ теперь весьма многіе изъ духовенства по своимъ частнымъ страхованіямъ; въ 3-хъ, лица изъ духовенства кіевской епархіи, застрахованныя уже въ данномъ обществѣ значительно уменьшатъ свои нормальные ежегодные платежи, такъ какъ они перейдутъ въ такомъ случаѣ въ разрядъ коллективныхъ страхователей; въ 4-хъ, случаи неизлѣчимыхъ болѣзней (параличи, острые ревматизмы и т. п.), лишающихъ страхователей возможности трудиться и съ тѣмъ вмѣстѣ уплачивать причитающіяся съ нихъ преміи могутъ быть оговорены, и такія лица или будутъ освобождены отъ дальнѣйшаго платежа премій, или немедленно же получатъ застрахованный капиталъ въ половинномъ размѣрѣ. Само собою разумѣется, что молодые страхователи будутъ платить преміи нѣсколько меньше страхователей болѣе или менѣе пожилыхъ, въ видахъ извѣстнаго статистическаго закона относительно смертности; но платежи тѣхъ и другихъ во всякомъ случаѣ будутъ *много ниже нормальныхъ* премій по частнымъ страхованіямъ. А затѣмъ, разъ уже воспослѣдуютъ первые лишь платежи премій по коллективному страхованію, семья всякаго страхователя будетъ считаться уже въ извѣстномъ смыслѣ обезпеченною, потому что, отъ чего бы кто нибудь изъ страхователей ни умеръ скоро послѣ взноса первой преміи, наслѣдники его получаютъ немедленно и сполна условленный капиталъ.

Для лицъ, не посвященныхъ въ подробности страховыхъ тарифовъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ, съ приблизительнымъ расчетомъ платежа премій; изъ этихъ расчетовъ видно будетъ, какъ велики могутъ быть ежегодные платежи премій. Такъ, напр., лицо 25-ти лѣтъ, желающее застраховать свою жизнь, на случай смерти, въ 5000 р., должно теперь уплачивать по нормальному тарифу для частныхъ страхователей ежегодную премію около 95 р., обладая при этомъ обязательно совершенно удовлетворительнымъ состояніемъ своего здоровья; а при коллективномъ страхованіи это же лицо платило бы всего около 80 р , *независимо отъ состоянія своего здоровья.* Второй примѣръ. Лицо, примѣрно 40 лѣтъ, вполнѣ здоровое, страхующее въ настоящее время капиталъ въ 5000 р., на случай смерти, по частному страхованію должно уплачивать ежегодную премію около 145 р., а при коллективномъ страхованіи будетъ платить всего около 120 р., *каково бы ни было состояніе его здоровья.* Наконецъ, еще очевиднѣе будетъ громаднѣйшая выгода коллективнаго страхованія, если мы обратимъ вниманіе на состояніе вообще здоровья и на разницу нормальныхъ страховыхъ премій, сравнительно съ платежами при коллективномъ страхованіи для лицъ пожилыхъ—за 50 лѣтъ. Обыкновенно такія лица въ большинствѣ страдаютъ такимъ или инымъ органическимъ порокомъ, который хотя и не можетъ внушать серьезнаго опасенія за жизнь такого лица, но тѣмъ не менѣе всегда можетъ служить камнемъ преткновенія при медицинскомъ освидѣтельствованіи для принятія на страхъ. Вотъ почему для такихъ лицъ въ особенности важно коллективное страхованіе всего состава духовенства кіевск. епархіи, при которомъ всѣ они будутъ приняты на страхъ *безъ всякаго медицинскаго освидѣтельствованія* и *притомъ съ значительно пониженными преміями.* На примѣръ. Лицо 50 лѣтъ, желающее въ настоящее время застраховать свою жизнь, или лучше сказать, капиталъ своему семейству въ 5000 р., по обыкновенному частному тарифу должно уплачивать ежегодную страховую премію свыше 220 р., съ рискомъ въ большинствѣ случаевъ быть не принятымъ на страхъ послѣ медицинскаго освидѣтельствованія,—при коллективномъ же страхованіи такимъ лицамъ

прйдется платить лишь около 200 р., и всѣ они будутъ приняты на страхъ безъ всякаго медицинскаго освидѣтельствованія.

Страховая сумма, или капиталъ для себя на старость или для семейства на случай смерти, можетъ быть различна, кто какую себѣ изберетъ (отъ 3—5 тысячъ приблизительно).

Для того, чтобы коллективное страхованіе состоялось, необходимо участіе въ немъ не менѣе 90% общаго состава духовенства кіевской епархіи; отъ участія въ страхованіи могутъ быть освобождены только безсемейные, если не пожелаютъ участвовать въ немъ.

Здѣсь мы начертали кратко и приблизительно планъ и условія коллективнаго страхованія духовенства, (а по желанію и служащихъ въ епархіальныхъ духовныхъ учрежденіяхъ), на основаніи личныхъ переговоровъ съ представителемъ одного изъ солиднѣйшихъ страховыхъ обществъ; но и изъ этого краткого очерка видно, на сколько выгодно можетъ быть такое страхованіе духовенства. Болѣе подробныя и точныя условія могутъ быть выработаны, при разрѣшеніи на то Епархіальнаго начальства и при сочувствіи этому проэкту большинства Епархіальнаго духовенства, которое симъ и приглашается высказать свое мнѣніе и желаніе по этому проэкту на страницахъ Епархіальнаго органа.

Въ заключеніе остается пожелать, чтобы духовенство кіевской епархіи серьезно взглянуло на предлагаемый проэктъ и сочувственно отнеслось къ нему, такъ какъ предлагаемое коллективное страхованіе, при удовлетворительномъ его разрѣшеніи, въ достаточной степени и сразу, (а не черезъ 10 лѣтъ), можетъ дѣйствительно обезпечить въ матеріальномъ отношеніи будущность всѣхъ вдовъ, сиротъ и престарѣлыхъ членовъ епархіальнаго духовенства.

Священникъ *Іеронимъ Ясинскій.*

Извѣстія и замѣтки.

— **Посѣщеніе преосвященнымъ епископомъ Уманскимъ Іоанникіемъ кіевской земледѣльческой ремесленной исправительной колоніи малолѣтнихъ преступниковъ.** 27 сентября текущаго года, Преосвя-

щеннѣйшій Іоанникій, Епископъ Уманскій, по пути слѣдованія своего для обозрѣнія нѣкоторыхъ церквей епархіи, благоволилъ посѣтить и церковь Кіевской земледѣльческой ремесленной колоніи малолѣтнихъ преступниковъ, находящуюся при Кіево-Брестскомъ шоссе, на 9 й верстѣ отъ Кіева. Встрѣченный настоятелемъ церкви на погостѣ церковномъ по чиноположенію церковному со св. Крестомъ и водою, а по входѣ Владыки во храмъ, помѣщаемою ниже, краткою рѣчью, Владыка, послѣ обычныхъ—литіи и многолѣтія, надѣливъ воспитанниковъ колоніи крестиками для ношенія на груди, благоволилъ обратиться къ нимъ съ такимъ краткимъ поученіемъ. Указавъ изъ житія св. Іоанна Богослова на случай обращенія ко Христу заблуждшаго но раскаявшагося потомъ юноши, Владыка выяснилъ ту мысль, что для истинно кающихся покаянія двери всегда отверсты у Жизнедавца, что Господь любитъ праведниковъ и молитву ихъ слышитъ,—но что Онъ пріемлетъ и грѣшниковъ кающихся и не отвергаетъ моленія ихъ,—что нужно прежде всего сознать свою виновность и затѣмъ всегда— и утро, и вечеръ, и полудне, и на всякъ часъ, съ открытою душею и теплою сердечною молитвою обращаться къ Богу, прося себѣ вразумленія и помилованія.—По выходѣ изъ храма, Владыка благоволилъ посѣтить квартиру настоятеля церкви, гдѣ ему были представлены Директоръ и воспитатели колоніи и затѣмъ, напутствуемый всѣмъ составомъ колоніи, благоволилъ отбыть для дальнѣйшаго слѣдованія по епархіи.

«Преосвященнѣйшій Владыко, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ! сказалъ настоятель при вступленіи Владыки во храмъ колоніи. На пути предпринятаго Вами нынѣ апостольскаго шествія во еже назирати, благословити же и учити паству кіевскую, первою имѣетъ счастіе представиться Вамъ, врученная моему ближайшему водительству духовному, сія—своеобразная и отличная отъ другихъ—паства.

Пасомые мои, сіи заблуждшія овчата словеснаго стада Христова, на нашемъ государственномъ языкѣ носятъ позорное, но заслуженное названіе преступниковъ.

Задача наша—направить ихъ на путь истины, дабы изъ сыновъ противленія содѣлались они чадами послушанія св. Церк-

ви, и дабы съ возрастомъ были они истинными христіанами, честными гражданами и вѣрными сынами престола и отечества.

Исходя изъ того глубокаго убѣжденія, что въ основѣ нравственнаго разложенія и паденія всегда лежитъ шаткое и легкомысленное отношеніе къ ученію и уставамъ св. Церкви, мы неукоснительно печемся о томъ, что-бы въ питомцахъ сихъ первѣе всего возродить, развить и утвердить чувство глубокаго уваженія къ уставамъ св. Церкви, чтобы внѣдрить въ нихъ страхъ Божій, чтобы возгрѣть въ сердцахъ ихъ любовь къ Богу и ближнему.

Всю надежду нашу въ семъ трудномъ дѣлѣ мы возлагаемъ на благодатную помощь св. Церкви; въ ученіи, святыхъ молитвахъ и благодатныхъ таинствахъ ея мы почерпаемъ для себя и мужество и силу; твердо уповаемъ, что если съ открытою душею, съ вѣрою, любовію и страхомъ Божіимъ будемъ притекать къ живоносному источнику благодати, хранящемуся въ сей врачебницѣ духовной (разумѣю храмъ Божій), то Самъ Врачъ небесный, всегда присущій тому источнику, исцѣлитъ насъ. Но на пути семъ мы нерѣдко изнемогаемъ и, лишенные высшаго духовнаго водительства, обуреваемся духомъ унынія, претыкаемся и падаемъ; благословляемъ, посему, Верховнаго Пастыреначальника нашего, призрѣвшаго съ высоты святыя Своея на насъ немощныхъ и недостойныхъ и пославшаго намъ нынѣ, въ лицѣ Вашего Преосвященства, богомудраго наставника и молитвенника о насъ.

Будьте же, Преосвященнѣйшій Владыко, нынѣ духовнымъ водителемъ нашимъ и силою дарованной Вамъ отъ Бога сугубой благодати Архіерейства Вашего и святыми молитвами Вашими въ храмѣ семъ благословите, вразумите, наставьте и утвердите насъ.

Священникъ *Ф. К.*

— **Не перстъ ли Божій?** На канунѣ 29 августа, сего г., владѣльческая экономія М. И. Подгорскаго, доставила, для копки свекловицы въ своихъ имѣніяхъ, партію солдатиковъ въ 300 человѣкъ. На долю с. Малой Скварки досталось 100 человѣкъ, которые и помѣщены были (по оффиціальному выраженію) въ «воловнѣ», на такъ называемой фермѣ, отстоящей отъ села верстъ на 3—4. «Воловня»— это огромное, какъ бы двухъ-этажное зданіе, низъ котораго при-

способленъ для скота, а верхъ—для сухого корма (сѣноваль). Въ данную пору здѣсь и помѣщалось больше 40 штукъ скота, а сѣноваль былъ предоставленъ солдатикамъ.

Утро *Усѣкновенія честныя главы св. Іоанна Предтечи*—праздника уважаемаго народомъ въ Скверкѣ, какъ и въ сосѣднихъ приходахъ, по обыкновенію, началось всенощнымъ богослуженіемъ, —и богомольцы поспѣшили наполнить церковь. Однако же послѣ утрени мнѣ начали заявлять, что въ экономіи идетъ народъ на работы... Сказать по совѣсти: въ приходахъ, гдѣ есть сахарный заводъ, или другое фабричное заведеніе, такой сюрпризъ, особенно начиная съ сентября, можно встрѣтить сплошь да рядомъ; католики, нѣмцы и евреи, основываясь на какомъ то фабричномъ правѣ, всегда готовы нарушать православные порядки. Поелику же въ приходѣ моемъ есть сахарный заводъ, то, съ болью въ душѣ, я и началъ уже мучиться терзаніями безнадежности положенія приходскаго священника въ такихъ обстоятельствахъ,—терзаніями, которыя, длятся все время производства завода... И все таки, послѣ обѣдни, я съ утѣшеніемъ узналъ, что прихожане мои, какъ Сквирецкіе, такъ и Городищенскіе, всѣ поголовно отказались идти на работы, —и осуждали экономію... Солдатики же и сѣяли, и бурачки копали... Впечатлѣніе получилось грустное. Прихожане въ недоумѣніи обратили взоры на меня; это былъ большой соблазнъ. Господь Самъ благоволилъ дать отвѣтъ; намъ надлежитъ умѣть читать его.

День *Усѣкновенія* еще не кончился, такъ какъ было около 10-ти часовъ вечера. На «воловнѣ» и скотъ и солдатики, повидимому, только успокоились. Въ общемъ,—весь день былъ совершенно ясный, и вечеръ не предвѣщалъ особаго несчастія. Но вотъ, около указаннаго времени, мгновенно небо заволокло тучами, и молнія прорѣзала небосклонъ. Разразился ударъ и цѣлью его оказалась именно «Воловня», въ которой поразила солдатика и вола, а затѣмъ пламень обнялъ и все строеніе. Разумѣется, вслѣдъ за этимъ и все зданіе «Воловни», и находившіеся въ ней волы, и скромное имущество солдатиковъ (фуражки, сапоги, шинели и пр.),—все досталось огню; сами солдатики—полусонные и перепуганные—едва спаслись, оставивъ одного товарища

Модеста Фещенко) тому же огню... Полившійся дождь не продолжался и четверти часа; луна опять вошла въ свои права. Но свѣтлое зарево еще долго освѣщало окружающую мѣстность, и видѣвшіе это съ благоговѣніемъ говорили: развѣ это не перстъ Божій?

Священникъ *С. Подгаецкій.*

Неоффиціальной части редакторъ, Прот. *Павелъ Троцкій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

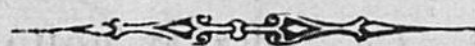
Отъ метеорологической обсерваторіи ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго университета.

Метеорологическая обсерваторія Императорскаго Новороссійскаго университета въ Одессѣ съ 1891 года составляетъ и печатаетъ во всеобщее свѣдѣніе періодическіе обзоры состоянія посѣвовъ на югѣ и юго-западѣ Россіи, въ связи съ ходомъ погоды. Болѣе 1300 лицъ состоятъ въ рядахъ нашихъ сотрудниковъ, но, тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ чувствуется крайній недостатокъ наблюденій. Съ цѣлью пополнить этотъ пробѣлъ и придать сельско-хозяйственнымъ обзорамъ большую точность, обсерваторія покорно проситъ всѣхъ землевладѣльцевъ, сельскихъ пастырей и народныхъ учителей губерній: Херсонской, Таврической, Бессарабской, Кіевской, Подольской, Волынской, Полтавской и Екатеринославской присылать къ 1 числу каждаго мѣсяца краткія обозрѣнія состоянія погоды и посѣвовъ, съ указаніемъ наиболѣе выдающихся явленій сельско-хозяйственной жизни края. Въ концѣ сельско-хозяйственнаго года сообщаются свѣдѣнія о результатахъ урожая. Всѣ постоянные сотрудники пріобрѣтаютъ право на полученіе трудовъ, брошюръ и отчетовъ обсерваторіи. Чтобы облегчить составленіе обзоровъ, обсерваторіей изготовлены особые вопросные пункты, которые по требованіямъ, адресованнымъ въ метеорологическую обсерваторію Новороссійскаго университета въ Одессѣ, разсылаются всѣмъ лицамъ, изъявившимъ согласіе принять

участіе въ нашихъ работахъ. Вмѣстѣ съ вопросными пунктами разсылаются также особые конверты для безплатной доставки наблюденій въ Одессу. Обсерваторія вполнѣ убѣждена, что г.г. сельскіе хозяева окажутъ посильную помощь въ этой работѣ, имѣющей несомнѣнно громадное научное и практическое значеніе.

КЪ СВѢДѢНІЮ ДУХОВЕНСТВА.

Управленіе кассы Взаимно-вспомогательнаго общества духовенства кіевской епархіи проситъ о.о. благочинныхъ поспѣшить высылкою взносовъ съ подвѣдомаго имъ духовенства за второе полугодіе текущаго года, съ надлежащею пенею съ августа мѣсяца.

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурн. Комитета печат. дозвол. 14 октября 1894 г.
Цензоръ, Протоіерей *М. Богдановъ*.

Кіевъ, типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.